

19 ИЮНЯ — 80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛЯ БЫКОВА

«Я ХОЧУ ТОЛЬКО ОДНОГО — ОСТАТЬСЯ ЧЕСТНЫМ»

Материалы страницы подготовил Сергей НЕХАМКИН

Две даты из быковской биографии жизнь поставила рядом. 19 июня ему исполнилось бы 80 лет. На 22 июня придется годовщина смерти. На тему «Быков и война» сказано уже много. Но кроме «военных» книг у Быкова есть еще несколько произведений, о которых российский читатель знает навряд ли. Это последние вещи Василия Владимировича.

Часть из них написана за границей — в Финляндии, потом в Германии, потом в Чехии. Фактически — в эмиграции. Конечно, формально причиной быковского отъезда из Белоруссии было нездоровье, приглашение ПЕН-центра, конечно, сохранялся паспорт и возможность приехать домой... Но будем помнить: Быков возглавлял в Белоруссии список «политически отсталых» писателей — формулировка одного из лукашенковских идеологов (а в списке — лучшие имена белорусской литературы). С приходом новой власти дома словно изменился состав воздуха — и новым воздухом Быков дышать не мог. А власть не могла ему простить откровенной поддержки оппозиционных политиков.

Быков, однако, был не мальчик, чтобы спрашивать у дяди президента, с кем ему дружить, а с кем не дружить. Исторически всегда выигрывает тот политик, на стороне которого больше талантов — их глазами будут оценивать тебя потомки. Так что, потеряв Быкова, Лукашенко проиграл многое.

Но сердце Василия Владимировича остановилось все-таки на родине. В Боровлянах — медицинском комплексе под Минском. И тут же пошли трагические фразы, что вот, дескать, великий национальный писатель приехал умирать домой... Тоже не так. Не ехал он умирать! Была плановая операция, потому и оказался на больничной койке. Быков жить хотел. Работать. Осталось множество записей — идеи новых повестей, сюжеты, наброски... Удивительно, но при всем нездоровье, при общем удрученном состоянии (кто сказал, что чужбина может быть в радость?), он в последние годы невероятно много работал.

Это феномен — мощный всплеск таланта на излете писательской жизни. Делает судьба иногда такой подарок. Принципиально новую манеру письма открыл к старости Катаев. Захватывает дух от последних романов Юрия Давыдова. Поднялся к своим вершинам Астафьев. А Шолохов, скажем, десятилетиями — ни строки, все думалось: ну не может быть, после смерти откопют письменный стол, а там — такое! Умер. Открыли. Ничего.

А может, все проще? Есть писателю что сказать — говорит. Нечего — молчит. Быков молчал долго, насупленно. Иногда выходили крохотные притчи, рассказы. И думалось вожделенно: ну что ж... имеет право... он свой подвиг совершил, в истории литературы останется... Что ж ему — вновь о войне? Вновь «лейтенантская проза», вновь — ложкой по дну — вскрытие из памяти подробностей полувековой давности? Оно, конечно, достойно уважения, святая тема, но только давно уже — другие войны, другие лейтенанты...

Однако, незадолго до смерти Василия Владимировича тиражом в две тысячи экземпляров вышли на белорусском его воспоминания «Долгая дорога домой». Горько-спокойная книга: жизненные повороты, детство, война, творчество, встречи, друзья, враги, раздумья... Последний аккорд...

Но нет! Не последний! Совсем недавно выяснилось — в 1998 году перед отъездом за границу Быков написал повесть. Просто публикацию придерживал: «Еще не время!» Потом Быкова не стало. В декабре прошлого года эта вещь появилась в «Дзяслове» — независимом белорусском журнале. На русском языке должна выйти в журнале «Дружба народов». Повесть называется «Афганец».

Дорога к школе

Эта история мужчины с минской окраины, афганского ветерана. Затравленный жизнью, во всем и во всех разочарованный, он решает «хлопнуть дверью»: убить того, кого считает олицетворением всех бед, своих и своей страны. — «Самого». (Имя не названо, должность не названа, но наем слишком прозрачен.) Надо лишь добыть «калашников». Что дальше — рассказывать не будем: сюжет стремителен и неожидан, психологизм — на уровне «Сотникова», никакой идеализации, взгляд горький и жесткий.

Проклятые политике! Она печалила последние быковские годы, лишила его спокойной, комфортной старости. Хвала политике! Именно ее жесткие реалии рожают такую литературу.

И наконец, еще одна быковская вещь, последняя (последняя ли?) — «Парадоксы жизни», увидевшие свет в том же «Дзяслове». Это своего рода записные книжки писателя. Фрагменты из нее «Известия» и предлагают сегодня читателю.

ИЗ «ПАРАДОКСОВ ЖИЗНИ»

ЗАПИСИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Писатели растерялись: о чем писать? Раньше столько лет плакали: не позволяет цензура, прижимает ЦК. А теперь, когда исчезли цензура и ЦК, выходит, стало еще хуже. Как те зверьки, что растелись в клетке — отпущенные на волю, не могут прожить.

Что значит воспитываться под ежедневным партийным руководством!

Инвалид-пенсияр пришел в гараж к своему «Запорожцу» и видит: на соседнем висит замок, дужка которого, однако, не зашелкнута. Подумал, покумекал. И зашелкнул дужку. Сам когда-то по рассеянности не закрыл гараж. Через десять минут прибегает сосед и ругается. Оказывается: отлучился за сигаретами, а ключи оставил в гараже.

Инвалид чесал в затылке: услужил, назывался.

Лифт заглаживал каждый день, систематически. И все знали, кто это делает — подросток Вова, сын партийного секретаря с шестого этажа. Но вот Вова выучился, пошел в армию, лифт несколько лет был чистый. И вдруг снова начали в нем паскудить. Оказывается, тот Вова женился, родил двойнят, они подросли и все началось снова.

Какой отец, такие и дети?

Дом в Боровлянах

Повесть называется «Афганец». Это история мужчины с минской окраины, афганского ветерана. Затравленный жизнью, во всем и во всех разочарованный, он решает «хлопнуть дверью»: убить того, кого считает олицетворением всех бед, своих и своей страны, — «Самого».

Когда-то Адамович говорил, что те, кто побывал в ЦК, даже если талантливы, — конченные люди. Всем им там вырезали одно яйцо. Все они скопцы — идейные, творческие, по-человечески.

Который год убеждаюсь в справедливости этого наблюдения.

П. не был для Коли другом — просто хороший знакомый. Но вот однажды приходит к Коле и рассказывает, что его вызвали в КГБ, требовали доносить на Колю. Естественно, П. отказался. Коля, конечно, не мог не оценить такой поступок знакомого, и тот стал для Коли самым лучшим другом.

И замечательно доносил на него. А признание насчет вызова в КГБ — прием, не более. Но прием безотказный.

В 1939—40 годах после так называемого освобождения Западной Белоруссии НКВД набирало там немало сексотов, картотека на всех хранилась в областных центрах и, понятно, в Москве. В 41-м с началом войны чекисты так рванули из Гродно, что оставили эту картотеку немцам. Немцы разобрали ее и... перевербовали сексотов (чтобы не тратить время на вербовку новых). Отказов, разумеется, не было. Те старательно работали все время оккупации. Но в 1944 пришла Красная армия. Свою картотеку чекисты не нашли, привезли из Москвы копии прежней. Те самые сексоты начали работать на своих первых хозяев.

Вот универсальность системы! (Одна из задуманных Быковым повестей называлась «Сексот». — Ред.)

Еще во времена стояния один московский литератор-демократ прослышал, что под юбилей его намереваются наградить орденом Дружбы народов. Литератор загодя объявил друзьям, что орден не возьмет. Но вот пришло время, настал юбилей, и ему не дали ничего. Даже отоборили повод для протеста. Чтобы не дергался...

Он работал заместителем редактора в районной газете. Когда Хрущев удваивал обкомы, райкомы, написал в Москву, что не согласен, что это неправильно. Тогда его сняли с должности заместителя, сделали заведующим отдела писем. Но через два года сняли самого Хрущева. И снова сделали из двух один обком. И он, подождав немного, письмом в Москву напомнил о своем когдашнем несогласии.

Тогда его сняли с заведующего отделом и сделали корректором.

Больше он писать никуда не стал.

Ушачские — народ слова.

Пришел поздно Л., говорит жене: дай пятерку — добавить нужно. Та говорит: «Не дам». Тогда он: «Не дашь — спалю хату!» «Пали, раз ты такой...» Подпалил, сгорела хата. Л. посадили за поджог... Через некоторое время жена пошла собирать подписи, чтобы выпустили, потому что плохо без хаты и без мужа.

(Ушачский район в Белоруссии — родина Василия Быкова. — «Известия»)

На Донце в 1943 г. долго стояли в обороне, укреплялись, копали, минировали. И организовывали поиск разведчиков. И наши, и немцы. Однажды старшина роты послал в хозяйственную часть посыльного, молодого солдата. С заявкой на мыло. На бумажке сверху пометил: «сов. секретно». Солдат только недавно принял присягу и прибыл на фронт, к приказам начальства относился очень серьезно. И вечером в долине нарвался на немецких разведчиков. Принял бой. Чтобы не попал секретный документ в руки врага, съел его. Сам был ранен и погиб. Утром из роты выкопали уголок той заявки с «сов. секретной» пометкой.

Он был пророк и вел за собой других. За ним шли. Ему верили. И он учил божескому. Потому что и сам был полубогом. Но другие не знали, что он был бессмертный, а они смертные. Пришли кризисные времена, они погибли. А он пошел учить других. Божьей правде. Высокому и доброму. Он мог себе это позволить.

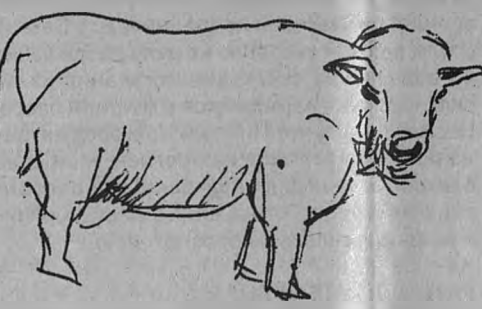
Где-то в шестидесятые годы меня позвали в военкомат и дали анкету. Зачем — не сказали, но вскоре стало известно: снова хотят забрать в армию, на этот раз — в ракетчики. По каким-то показателям я подходил. Через знакомого военкоматчика я пригласил подполковника Филькова в ресторан, хорошо там выпили, и он посоветовал написать в анкете что-то такое, чтобы не взяли. Тогда я решил написать, что на Западе в эмиграции живет мой двоюродный брат Микола, который пропал в войну. Будто бы мне известно, что он живет в ФРГ. И правда, помогло. Меня не взяли.

Вот как помог мой несчастный Микола. Прости меня, браток...

Наступали, наступали и уперлись в городок. Не давал подступиться дзот на острове. Армия стала. Москва подгоняла. Тогда как-то утром при разведке боем один сержант подполз и бросил гранату. Удачно бросил. Дзот замолк. Батальон поднялся и захватил островок. Дивизия заняла городок. Армия продвинулась на два километра.

Вскоре вышли награды. Командарму за взятие города дали Героя. Комкору — орден Суворова I степени. Комдиву — орден Красного Знамени. Командиру полка — Отечественной войны I степени. Комбату — второй степени. Сержанту — медаль «За отвагу».

Всем как и положено. По чину.

После освобождения Белоруссии, где-то осенью 44-го, сестра Валя, которой тогда было 18 лет, согласилась идти в Восточную Пруссию, чтобы пригнать оттуда в район коров. Сказали, как пригонят, всем пригонщикам дадут по корове. Сестра обрадовалась — своей коровы у нее не было. Гнали стадо долго, нужно было и доить, и пасти, и самим кормиться. Намучились страшно. А как пригнали, коров всех распределили по колхозам, а пригонщикам — дулю.

В который раз обмануло начальство.

Потом такого жульничества было без числа.

Ехали в отпуск, попросили соседей посмотреть за квартирой. Хороши были соседи. Но в аэропорту хвятились — что-то забыли. Хозяин на такси вернулся в квартиру и... застал там соседей, которые шарил по его комоду.

Хорошие были соседи.

Они прорывались из окружения. Комбат и санитарструктор. Как вышли, он попросил ее выстрелить ему в руку, чтобы не арестовали. Она его любила, но... была комсомолкой. И выстрелила в него.

Теперь 50 лет корит себя.

П.П. Быков. 4 Коблинка

Чирок на реке

1941

Когда Василь Быков писал «Долгую дорогу домой», он пытался восстановить в памяти картины прошлого. В книгу эти рисунки не вошли

Василь Быков с матерью в родной деревне

ВДОВА ПИСАТЕЛЯ ИРИНА БЫКОВА:

ЗДЕСЬ ЕГО ДОМ

«Теплым солнечным маем семьдесят восьмого года ко мне в Минск из Гродно приехала Ирина Суворова, с которой мы до этого долго (...) работали в газете. Ирину я знал с ее студенческих лет, когда она приезжала в Гродно на практику с журфака БГУ. (...) Там я и застал ее, вернувшись вторично из армии. (...) Ирина одной из первых отметила мои литературные попытки (...) Потому она выручала меня как машинистка и первый критик моих произведений. Я был благодарен ей, и эта благодарность понемногу переросла в зрелое чувство. Чувство это обрело отчетливый характер, когда я попал в черную полосу литературно-политических издевательств, и многие из моих коллег-писателей и журналистов стали проявлять ко мне неприязнь. Ирина стояла на своем, верила в мою

счастливую литературную судьбу, хоть (...) было это все более сложно...» Эти строки из «Долгой дороги домой» извлекают меня от необходимости задавать Ирине Михайловне Быковой дежурные вопросы вроде «Как вы познакомились?». Тем более что она категорически не хочет говорить о себе: Василь, дескать, а не я — первое лицо... Вообще очень сдержанна в ответах. А я сдержан в вопросах — наверное, у собеседницы есть основания тщательно подыскивать слова или отводить темы: «Этого касаться не будем» — если речь заходит, например, о политике... Или: «Об этом Вася сам рассказывал в таком-то интервью, посмотрите там, чего я за него отвечать буду...»

Чувствуется, что ей до сих пор больно говорить с посторонними о муже.

Нынешнее отношение власти к Быкову — в лучшем случае нейтральное, не более. Вряд ли его 80-летие будет отмечаться какими-то пышными официальными торжествами, с другой стороны, Лукашенко постоянно подчеркивает: у нас были разногласия, но если надо было что-то лично для Быкова — я шел навстречу. Для белорусской интеллигенции Быков после смерти стал фигурой культовой. Впрочем, шум и споры — за пределами этого дома.

...Тогда, в 1978-м, переехав из Гродно в Минск, Василь Владимирович поселился в длинной многоэтажке, которую минчане за стены из красного кирпича зовут «Брестская крепость» — это один из центральных районов города. Квартиру выделял белорусский ЦК, уж очень хотевший «приручить» писателя. По тем временам — престижная новостройка, сегодня — дом как дом, ничего особенного. Темный, грязноватый лифт, небольшие квартиры. Быковская — очень скромная, даже аскетичная. Книги, книги, книги... Фотографии всюду. Картины — что-то хозяин дарил друзьям-художникам, что-то рисовал сам.

— Василь Владимирович в «Долгой дороге домой» пишет, почему пошел перед

войной в художественное училище: не из тяги к прекрасному, а оттого, что дома в колхозе элементарно голодали. Вот отец и велел: «Езжай откуда учиться, хоть куда». Но просто так в художественное училище не поступишь...

— Сестра Василия, Валя, вспоминает: он с детства хорошо рисовал. Хотя конечно — там была стипендия, это все решило. Перед самой войной стипендию отменили, училище пришлось бросить. Но навыки пригодились: после фронта подрабатывал художником-оформителем. Привычка рисовать осталась. Что-то машинально набрасывал во время работы. Блокноты носил, в них все время зарисовывал — то шарж, то картину какую-то для памяти, то просто забавное что-нибудь. «Дневниковые рисунки» — так

я называл. Дома был этюдник, иногда доставал... Сейчас, перед юбилеем, хотят организовать выставку его работ.

— Еще из «Долгой дороги»... Быков вспоминает свою армейскую аттестацию, там отмечались его математические способности. В другом месте мимоходом цитирует теорему Ферма, приводит формулировки физических терминов...

— Нет, технарем по складу ума он не был. Знал ли математику? Наверное, в пределах, необходимых фронтному артиллеристу. Хотя знаю, что в армии потом офицером считался образцовым.

— Как Василь Владимирович работал?

— Бессистемно. Такого, чтобы «ни дня без строчки» не было. Садился писать, когда было настроение, когда что-то срабатывало в памяти. Долго вынашивал, выхаживал, делал наброски — потом приступал.

— Быковский музей в Белоруссии будет?

— Это вопрос не ко мне. Говорят, хотят сделать на родине, в Бычках... Но там все разрушено, а возводить на месте старой хаты что-то правильно-глянцево... Не знаю. Никакие рукописи, никакие личные вещи я никуда отдавать не собираюсь. Здесь он прожил 25 лет, здесь писал свои главные книги. Здесь его дом.

В Финляндии, где Быков оказался в черные свои дни, его поразили тамошние глыбы-валуны. Сейчас один из них едет из Финляндии в Минск — дар финских друзей для памятника писателю. В годовщину быковской смерти эта глыба ляжет на его могилу — громадная, шинельно-сизая, особой конфигурации (камень не вдавливается в землю, а словно приподнимается над ней), похожая и не похожая на традиционный розоватый белорусский гранит. Так задумано: чтобы на могиле был просто камень, на нем воспроизведенная роспись — «В. Быков», даты жизни — и все...

СПРАВКА

Быков
Василь
Владимирович

(19.06.1924, д. Бычки Витебской области — 22.06.2003, Минск) — белорусский писатель. Родился в крестьянской семье. Перед войной учился в Витебском художественном училище.

Участник Великой Отечественной войны, был в пехоте и противотанковой артиллерии. Дважды ранен. После войны вновь призван в армию, служил офицером-артиллеристом на Курилах и Сахалине. После демобилизации в 1955 г. работал журналистом в Гродно, тогда попробовал себя в литературе.

Один из лучших советских писателей фронтового поколения. Жесткость ситуаций, предельная правда в изображении психологии «человека на войне», точность в деталях — все это уже с первых повестей отличало его прозу. При этом Быков подвергался постоянным нападкам официальной критики за «дегероизацию» и «абстрактный гуманизм». Нападки перешли в настоящую травлю после публикации в «Новом мире» Твардовского повести «Мертвым не больно» (1966).

В областном центре Гродно писатель оказался на положении почти диссидента. Но уникальные таланты быковского таланта вынудили власть изменить к нему отношение. Споры вокруг повести «Сотников» (1970) уже обходились без политических ярлыков.

Мать и Василь

За повести «Обелиск» и «Дожить до рассвета» (1972) Быков был удостоен Государственной премии СССР (1973). Затем последовали «Волчьей стая» (1974, первая публикация — в «Известиях»), «Пойти и не вернуться» (1978). С 1978 года Быков жил в Минске. За роман «Знак беды» (1983) в 1986 г. ему была присуждена Ленинская премия. В 1984-м — к 60-летию — присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В годы перестройки Быков активно поддерживал идеи демократических преобразований и, позднее, независимости Белоруссии.

После прихода к власти Александра Лукашенко писатель выступил с резкой критикой действий президента. В 1998 году он был вынужден уехать за границу. Умер в 2003 году.